

героя-рассказчика: «Карьера! Это слово спирало в зобу дыхание» (10, 181); «Прокоп вдруг заволновался, и несколько секунд я думал, что у него от гнева сперло в зобу дыхание» (10, 299) — крыловская формула приобретает расширительный смысл, становясь ироническим обозначением не только радости, но вообще слишком сильных эмоций.

«Чужое слово» в речи автора используется как будто в качестве «фигуры и украшения», как риторический прием, в действительности же является выражением диалогической позиции приятия. Так, в текст одной из хроник «Нашей общественной жизни» вводится неточная цитата из басни «Орел и Соловей». В рассуждениях о «картонной жизни», подменяющей собой настоящую, возникает аллегорический образ жерновов «без мелева», запас которых в конце концов истощается: «это доказывается тем, что жернова перестают стучать сами собой, без всякой принудительной причины, а вслед за жерновами

умолкли ручейки
И улеглись стада » (6, 83)

Аналогичным образом в текст рецензии на роман Л. А. Ожигиной «Своим путем» включена неточная цитата из басни «Стрекоза и Муравей»: «Покуда разлитое море существует, покуда „под каждым листком готов и стол и дом“, только люди очень развитые могут критически относиться к такому благодатному положению...» (9, 373). В подобных случаях крыловское слово служит естественной принадлежностью авторской речи, что проявляется и в синтаксическом строении конструкций, где «свое» и «чужое слово» равноправны.

В авторской речи преобладают не сентенции крыловских басен, а стихи, создающие какой-то яркий, запоминающийся образ. И только в незавершенном наброске «Когда страна или общество...», рассуждая о лести и непредусмотрительном отношении к ней «баловней фортуны», Щедрин прибегает к сентенции: «Но эта самая непредусмотрительность, давая меру глупости и ошалелости „баловней фортуны“, служит объяснением, почему

Уж столько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна — и все не впрок

Не впрок, потому что лесть сладка, а вероломство стоит где-то за горами» (13, 634). Мораль крыловской басни является звеном в общей цепи рассуждений о лести как одной из составляющих частей «многоактной трагедии» под названием «Трепет» (трепет — лесть — вероломство) и служит необходимым смысловым толчком для дальнейшего развития темы. Подобную ассимиляцию крыловского текста наблюдаем, когда напоминание о содержании басни становится аргументом в полемике. В «Ответе г. Ржевскому» Щедрин возражает свое-